

A. V. ИГНАТЕНКО*

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО В ДРЕВНЕМ РИМЕ

Относительно Римской *civitas* широко распространено мнение как о типичном античном полисе со всеми его атрибутами (структурообразующими элементами), которые особенно четко выделены в работах С. Л. Утченко¹. Их составляли специфическая материальная база (*ager publicus*), институт гражданства с присущими ему характерными формами самоуправления гражданского коллектива, наконец, ограниченные, небольшие размеры территории и ограниченная численность населения. Сходным с греческим был и способ сплочения общин – путем синойкизма.

Тем не менее на берегах Тибра синойклизм охватил разноплеменные контингенты (поселки латинов, сабинов, этрусков), которые первоначально были слабо организованными маленькими территориальными либо гентильными общинами и лишь после сплочения стали приобретать некую организованность и стабильность. Обединение произошло вокруг римской общины, расположенной на нескольких холмах в устье Тибра. По мере присоединения к римской, по-видимому, пастушеско-земледельческой общине этрусских, сабинских и других поселений складывалась определенная общность, получившая в литературе название Септимонтия.

Каким же образом оформлялось территориально-политическое устройство за рождающегося Римского государства?

Сравнительно большая плотность населения средней Италии уже в VIII – VII вв. до н. э. обусловила замкнутость римской общины, а вместе с тем и ограниченность ее «естественной лаборатории» – земельного фонда. Однако экстенсивное, мало-продуктивное земледелие – главная отрасль хозяйства римлян – могло обеспечить существование на этих землях лишь небольшого коллектива. При отсутствии свободных, пустующих земель выход заключался в основании Римом колоний на землях, захваченных у соседей.

Со временем агрессивная внешняя политика, приобретая откровенно классовый, рабовладельческий характер, вылилась в систематические войны Рима с окружающими племенами и народами. Еще при Ромуле начались захватнические войны. Первыми жертвами римской агрессии пали Ценина, Фидены, Крустумерий, Антемна. И если ценинцы при переселении в Рим еще получили права, одинаковые с правами

* Почетный работник высшего образования, доктор юридических наук профессор УрГЮА.

¹ Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1952; *Он же*. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969; *Он же*. Политические учения Древнего Рима. М., 1977.

членов римской общины, т. е. вошли в римскую *civitas*, то жители остальных территорий, насильственно перемещенные со своих земель, никаких прав не получили².

Первые столетия существования республики тоже характеризовались непрекращавшимися войнами. В течение первой половины V в. до н. э. после разрыва экономических и политических отношений с Эtruрией Рим вел борьбу с соседними воинственными племенами и этрускими городами³. С середины этого же столетия началось наступление на вольсков, эквов и герников, этрусков и латинов. В IV – III вв. до н. э. шли войны с самнитами, а затем с луканами и брутгиями, с греческими городами Тарентом и Региум в Южной Италии и др. Итогом перечисленных кампаний были огромные территориальные приобретения. В 265 г. до н. э. взятием этрунского города Вольсиний завершилось подчинение Риму всей Италии.

Как складывались политico-территориальные отношения Рима с завоеванными землями?

У Рима-полиса с его прямым полисным народовластием не было ни опыта управления завоеванными территориями, ни соответствующего аппарата. В «царский» период население завоеванных районов переселяли в Рим и либо принимали в состав граждан, либо превращали в неполноправных плебеев, земли же (полностью или частично) поступали в фонд *ager publicus*. Рим послесервианский был уже достаточно сложным политическим организмом, но и тогда римляне с присущим им консерватизмом «втишивали» в прокурстово ложе полиса увеличивавшуюся территорию и возраставшее гражданское население. Поскольку наиболее распространенным способом эксплуатации захваченных земель было устройство на них колоний римских граждан, то трибутная организация, разрастаясь, как бы впитывала в себя завоеванные земли с их римским населением. Например, на бывшей территории этрунского города Вейи, а затем и на землях соседнего племени вольсков были учреждены четыре новые сельские трибы, составленные из колоний⁴.

Характерно, что в отличие от греческого мира, эти колонии не превращались в независимые полисы, отрываясь от метрополии, а как бы включались в римские трибы, составляя своеобразную территориальную «дисперсию», создающую *ager Romanus*.

По назначению колонии можно подразделить на две группы. Самую большую группу представляли собой гарнизоны из наделенных землей солдат, которые должны были способствовать закреплению успехов римского оружия и дальнейшим завоеваниям. Другие колонии носили чисто земледельческий характер. Они создавались ради скорейшего освоения захваченных у противника плодородных земель⁵. Лишь за 334 – 287 гг. до н. э. было организовано 18 подобных поселений.

Свободные жители колоний по римскому праву де-юре считались собственно гражданами Рима. По приезде в Рим они могли пользоваться почти всеми присущими римскому гражданину правами-привилегиями: *jus suffragii* (правом участвовать в комициях и подавать голос вместе со своей трибой); *jus honorum* (правом вы-

² Plutarchus. *Vitae paralleliae*. Lipsiae, 1876. Rom. XVI, XVII, XXI, XXVII; Livius. *T. Ab urbe condita libri*. Editio altera, quam curavit M. Muller. Lipsiae, 1909. I, 9–11, 14, 15, 22.

³ Gjerstad E. Legends and facts of Early Roman history. L. 1962. P. 70.

⁴ Liv. VI, 4–6.

⁵ Dionysius Halicarnassensis. *Antiquitatum romanarum quae supersunt*. Cambridge, 1968. V. II, 35. Liv. IV, 49, 11; 51, 5–6; X, 1; Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства. Воронеж, 1962. С. 225 и след.

ставлять свою кандидатуру на выборную должность); *jus militiae* (правом служить в легионах). До 367 г. до н. э. ограничено было только *jus occupationis agri publici*, поскольку таковое считалось уже исчерпанным при наделении поселенца участком земли в колонии (на праве квиритской собственности) в результате работы комиссии *a gris dandis a assignandisque* (по раздаче и назначению земли). В сфере же частного права эти колонисты обладали всеми компонентами статуса римского гражданства. А потому первоначально колонии, будучи частью города Рима, входя в его сельские трибы, собственного самоуправления не имели. Ценз в них устанавливался римскими цензорами со всеми вытекающими отсюда последствиями.

За счет рассеянных по всей Италии «частиц» территории Рима-полиса разрасталось количество триб. Вместе с тем полисно-территориальное единство Рима формально сохранялось. И хотя его искусственность была очевидна, привилегии римского гражданина, сам статус римского гражданства значили столь много, что жители колоний дорожили своим правовым положением и до определенного времени не стремились к обретению независимости. Лишь в конце IV в. до н. э. в колониях появляются собственная администрация и органы самоуправления: выборные магистраты, общинный совет (сенат) и т. д. Первым подобное самоуправление получил Анций в 317 г. до н. э., а затем оно распространилось и на другие колонии. Естественно, трибуатная организация не могла разрастаться безгранично. «Старый союз остался привилегированной группой 35 триб; к их числу уже не прибавляли новых; группы вновь приписанных в гражданство заносились в старые трибы»⁶.

Менее привилегированными были особые колонии латинского права (*coloniae Latinae*), которые создавались в пределах того же *ager Romanus*. Положение их жителей сходно со статусом граждан латинских общин (*civitates sine suffragio*): они были уравнены с римскими гражданами в сфере частного права, но политические права получали лишь при переезде на постоянное жительство в Рим и внесении в трибуатные списки. Правда, в дальнейшем данная привилегия была ограничена рядом условий (впервые для Аrimина, основанного как латинская колония в 268 г. до н. э.). В III в. латинских колоний было около 30: Сутрий, Непет, Адрия, Беневент, Венузия, Луцерия, Брундизий, Цирцеи и др.

В течение V – III вв. до н. э. римской экспансии подверглась значительная часть территории полуострова. Помимо колоний к 265 г. до н. э. Рим установил свое господство над целым конгломератом итало-греческих полисов, племен, общин. Организация этого конгломерата была очень сложной. Большая часть земель, фактически подчиненных Риму, формально не включалась в *ager Romanus*.

Как уже говорилось, наиболее привилегированными в политическом отношении были колонии римских граждан. Как части собственно римской территории они приписывались к римским трибам. Жившие в них колонисты, будучи римскими гражданами, не претерпевали никакого ущемления в правах, проходили ценз и, подвергаясь набору на общих с остальными гражданами основаниях, служили в легионах либо несли гарнизонную службу по месту жительства.

Сходное положение занимали общины с пожалованными правами римского гражданства⁷. В первую очередь к ним можно отнести общины, лишенные само-

⁶ Виннер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. Берлин, 1923. С. 21.

⁷ Нетушил И. В. Очерк римских государственных древностей. Харьков, 1984. Вып. 1. С. 438.

управления и получившие полное римское гражданство. Это *conciliabula* и *fora civium Romanorum*, небольшие местечки, населенные римскими гражданами, а также инкорпорированные в *ager Romanus* латинские и итальянские общины – *municipia*, *quaes separatis rem publicam non habent*. Жители их тоже причислялись к одной из римских триб, заносились в трибуутные списки, имели все права, вытекающие из статуса гражданства, и несли службу в легионах.

Как правило, свои отношения с большинством общин Италии Рим оформлял сепаратными договорами, характер которых обусловливается поведением той или иной общин в период Латинской войны и в процессе завоевания Италии. Не стараясь проанализировать отношения Рима с каждым из политических организмов, попытаемся вычленить те из них, которые сами, являясь типичными полисами, вошли в полисную политическую структуру Рима.

Самой привилегированной категорией среди союзников были так называемые муниципии (от «*munus*» – «обязанности», поскольку жители муниципиев несли все обязанности римских граждан) – итальянские общины, пользовавшиеся самоуправлением и обладавшие полностью или частично римским гражданством. Подобный статус имели некоторые древние города Лациума, Этрурии, греческие полисы Южной Италии⁸, римские приморские колонии, получившие самоуправление. Вместе с тем положение муниципиев и их граждан не было единообразным.

Муниципии римских граждан (*municipia civium Romanorum*) или муниципии федеративные (города Тускул, Габии, Ариция, Ланувий, общины северного Лациума, общины на севере Италии, южноитальянские греческие приморские полисы) исторически возникли из самостоятельных полисов и потому пользовались и местным самоуправлением, организованным по типу государственных органов Рима (с собственными комициями, сенатом, магистратами, автономным судопроизводством, со своим правом – *municipia, quae separatis rem publicam habent*), и всеми правами римского гражданства⁹. Их положение в союзе признавалось наиболее почетным, но и они поставляли Риму войска. Были ли это вспомогательные контингенты или какие-то иные формирования (например, корабли с матросами), определялось конкретной ситуацией. После переезда в Рим их граждане несли службу в легионах на общих основаниях¹⁰. По всей видимости, в подобных случаях они заносились и в трибуутные списки. Необычность их положения состояла как бы в двойной принадлежности: одновременно и к своему полису (и всей его полисной структуре), и к Римской *civitas*.

Особое место среди муниципиев занимали общины, сохранившие несколько ограниченное самоуправление (*separatis rem publicam habent*) и в дополнение получившие неполное римское гражданство – *civitates sine suffragio*. Указанный статус имели латинские, аврунские, этрусские города, а позднее – 10 городов Кампании. Как правило, их граждане к римским трибам не причислялись, а во время ценза заносились в особые «церебатские таблицы» (первыми такой статус получили жители города Цере) и приравнивались к эрариям – римским гражданам из низших слоев

⁸ Polybius. Historiarum reliquiae. Editio altera. 1859. P. VI. 21, 4–5.

⁹ Dionysius Halicarnassensis. IV, 52; Cicero M. T. Scripta quae manserunt omnia, recognovit Klotz, Lipsiae 1896. Phil. III. 6. § 15.

¹⁰ Marquardt J. Romische Staatsverwaltung. 2 Aulf. Leipzig, 1884. I. S. 27 – 28.

общества, несших лишь денежную повинность (особые списки таких налогоплательщиков (*tabulae Caeritum*) составлял римский цензор).

Наконец, еще одна группа общин называлась муниципиями-эрариями¹¹, или муниципиями цереатского права. В отличие от муниципиев первых двух категорий это были общины, не только имевшие ограниченное гражданство (*sine suffragio*), но и инкорпорированные в *ager Romanus* и управляемые из Рима (*separatim rem publicam non habent*). Иногда их именовали префектурами на том основании, что судо-производство там осуществляли *praefecti jure dicendo*, уполномоченные римским претором¹². Такой статус Марквардт именует «пассивным гражданством» («*Passivbürgerrecht*»), поскольку граждане-эрарии не принимали участия в комициях, не имели ни *jus suffragii*, ни тем более *jus honorum*. Статус *civitas sine suffragio* муниципиев-эрарии был, по сути, уничтожением всякой самостоятельности, так что и муниципиями они могут быть названы весьма условно. Их граждане тоже включались не в трибуутные списки, а в специальные таблицы, и политических прав в Риме не имели. Не служили они и в легионах, уплачивая в римскую казну налог, исчисляемый подушно, а не на основании ценза. Лишь иногда по требованию консультов они формировали особые отряды.

С рядом общин, расположенных главным образом в Лациуме, Рим заключал договоры, равные *foedera aequa*. Сохраняя в латинских общинах самоуправление, эти договоры предоставляли латинам неполное римское гражданство. Общины становились *civitates sine suffragio*. Данный статус выражал сущность так называемого латинского права, развившегося из отношений Рима с городами Лациума. В силу исторически сложившихся экономических и политических связей латины обладали некоторыми общими с римлянами правами в частноправовой сфере, но не имели принадлежащих римским гражданам политических прав. Поэтому у членов Латинской федерации, оформившейся еще в IV в. до н. э., было особое положение – статус латинского гражданства, который позднее римляне стали давать многим колониям и нелатинским общинам. Общины латинского права, как и другие союзники, не могли проводить внешнюю политику независимо от Рима, но они являлись привилегированной категорией союзников – сохраняли самостоятельность во внутренних делах, не управлялись из Рима, имели право чеканить монету¹³. Их граждане (*socii nominis Latini*) в области частного права во многом были уравнены с римлянами.

Положение латинов характеризовалось также тем, что при переезде в Рим они могли пройти там ценз и получить полные права римского гражданства. Соответственно в этом случае они входили в списки жителей римских триб, а их территория – в *ager Romanus*. Со временем многие латинские города получили право римского гражданства и, как считает Марквардт, по-видимому, со II в. до н. э. собственно Лациум имел уже полное римское гражданство¹⁴.

Среди федератов Рима имелись и соверенно бесправные полисы, поскольку Рим навязывал договоры своим союзникам чаще всего в принудительном порядке. И отношения его с союзниками далеко не всегда были дружественными и даже мирными. Источники упоминают о многочисленных «отпадениях» союзников от Рима, против Рима нередко выступали даже колонии римского права, являвшиеся

¹¹ Beloch K. J. Das Italische Bund unter Roms Hegemonie. Leipzig, 1880. S. 121; Marquardt J. Op. cit. I. S. 32.

¹² Вильгельм П. Римское государственное право. Киев, 1888. Вып. 1. С. 411; Marquardt J. Op. cit. I. S. 41 ff.

¹³ Livius T. XXIX, 15; Страбон. География. Л. 1964. IV. 1. § 1.

¹⁴ Marquardt J. Op. cit. I. S. 34.

частью полисно-унитарного строя Римской *civitas*. Как известно, противоречия между римлянами и союзниками нарастали и в конце 90-х гг. до н. э. вылились в Союзническую войну, как принято называть общечитайское восстание союзников против Рима. Флор писал: «Пусть эту войну называют союзнической войной (*bellum sociale*), чтобы сделать ее менее одиозной. Но если говорить по правде, то это была настоящая гражданская война (*bellum civile*)»¹⁵. В результате создавшегося поистине кризисного положения Рим пошел на уступки: в конце 90-х – 89 г. до н. э. были проведены законы – *lex Julia* и *lex Plautia-Papiria*¹⁶, на основании которых союзники получили права римских граждан. И хотя полного уравнения в правах не произошло, поскольку новые граждане приписывались лишь к последним десяти трибам из 35, до которых голосование в комициях часто просто не доходило, в Италии исчез сам статус федератов. Все *civitates foederatae* превратились в самоуправляющиеся муниципии, граждане которых отныне обладали статусом римского гражданства, становясь членами распространявшегося почти на всю Италию Римского полиса.

Что же представляла собой эта новая политико-территориальная структура?

Сам Рим был еще полисом с примитивным унитарным государственным устройством, что первоначально обуславливалось небольшими размерами коллектива граждан и замкнутой, ограниченной территории.

Полисами были и многие его союзники. В ходе римских завоеваний Италия за исключением отдельных общин (*civitates dedititiae*) де-юре не была подчинена Риму. Подавляющее большинство итальянских общин и греческих полисов не утратили ни экономической автаркии, ни политической автономии. Однако принудительно включенные в число римских союзников италики, этруски, греки и другие народы Италии фактически оказались подвластны Риму, зависимы от его военного потенциала.

Для самого Рима эта агрессия также не прошла бесследно. И дело не только в увеличении территории *ager Romanus*. Распространение в процессе завоеваний V–IV вв. до н. э. политического влияния Рима на Среднюю и Южную Италию способствовало включению римской экономики в общечитайскую. Использование человеческих ресурсов Италии в качестве военной силы в дальнейшем привело к втягиванию Рима в орбиту средиземноморской экономической и политической жизни. Следствием начавшейся в III в. до н. э. в Италии, а затем во всем Средиземноморском регионе экономической интеграции стал процесс внутренней дифференциации римско-итальянского хозяйства, развития агрокультуры и ремесел, товарно-денежных отношений, урбанизации.

Во II в. до н. э. рабовладельческое поместье, связанное с рынком и рационально организованное, сделалось господствующим типом. Мелкие же крестьянские хозяйства, по уровню производства и доходности сильно уступавшие рабовладельческим виллам, стали особенно неустойчивыми¹⁷. Все это разрушало полисные основы самого Рима, те самые «структурообразующие элементы», совокупность кото-

¹⁵ *Florus L. A. Epitome. III. 18.*

¹⁶ *Appianus. Historia Romana. Lipsiae, 1879 – 1905. B. C. I, 49; 53; 28; II, 16, 17.*

¹⁷ Штаерман Е. М. Древний Рим: проблемы экономического развития. М. 1978. С. 222; Она же. Расцвет рабовладельческих отношений в римской республике. М. 1964. С. 263; Кузицин В. И. Очерки по истории земледелия Италии II в. до н. э. – I в. н. э. М., 1966; Он же. Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. – I в. н. э. М., 1973; Он же. Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н. э. – I в. н. э.). М., 1976.

рых и позволяла видеть в нем полис. Видоизменение и разрушение полисной материальной базы имели своим результатом изменение характерного для полиса отношения членов коллектива к земле и другим видам имущества, а затем и взаимосвязей внутри самого коллектива, между его согражданами, изменение всей полисной политической структуры, всех отношений между центром полисного государства и его составными частями. В таких условиях интенсивно развивались рабовладельческие отношения, оборотной стороной которых были разорение, обезземеливание свободного крестьянина и разложение античной двуединой формы собственности.

Тенденция государственной собственности как совместной частной собственности активных граждан государства эволюционировать в абсолютную, неограниченную собственность получила логическое завершение в аграрном законе 111 г. до н. э. Но это было уже не *dominium ex jure Quiritium*. Утверждалась собственность преторская, провинциальная, перегринская. Сложился принципиально новый подход римского права к имущественным отношениям — частная собственность оформилась как институт «священный и неприкосновенный» независимо от того, кому она принадлежала: гражданину или негражданину.

Результатом процессов, протекавших в V—III вв. до н. э., явилось формирование в Риме к середине II в. до н. э. сложной общественной структуры, компоненты которой различались и по отношению к средствам производства, и по месту, занимаемому на социальной лестнице, и по правовому положению. Это было уже развитое рабовладельческое общество, где «неравенства между людьми играли гораздо большую роль, чем равенство их в каком бы то ни было отношении»¹⁸. Общество, многообразное членение которого невозможно определить с помощью какого-либо одного критерия, никоим образом не соответствовало параметрам единого полисного коллектива.

Наряду с разрушением полисного единства происходило разрушение полисной замкнутости, чему особенно способствовали заморские завоевания и как итог — появление провинций. Будучи порождением полисной обособленности, завоевания сами разрушали полисную общину как единый замкнутый коллектив, содействовали расселению римлян по всей ойкумене. В то же время втягивание Рима в орбиту средиземноморских отношений привело к притоку в Рим италиков, чужестранцев.

Характеристика римского общества II в. до н.э. не может быть полной без учета состояния союзнических общин Италии и обладавших римским гражданством муниципиев, население которых подвергалось тем же градациям, что и римское. В конгломерате составлявших федерацию общин и полисов Италии происходили процессы, аналогичные римскому. И в Италии полис (будь то муниципий или *civitas foederata*) разлагался, а там, где он еще не успел сложиться, власть Рима отнюдь не способствовала развитию полисных форм отношений и полисного аппарата, поскольку итало-греческая верхушка обрела в лице Рима, его правящих нобилитарных кругов и вооруженных сил надежный оплот для упрочения и усиления экономического господства над согражданами и соплеменниками. Отсюда развитие идущих навстречу римской экспансии объективно неизбежных политических устремлений рабовладельцев Италии, в которых правящие круги Рима в свою очередь

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 105.

находили поддержку при проведении своей захватнической политики. Сказанное позволяет сделать ряд важных выводов и интересных наблюдений.

При формировании римской общины большую роль сыграло удобное расположение Рима в центре Италии. Это обстоятельство первоначально привело к возникновению такого необычного для складывания полиса обстоятельства, как неоднородность вошедших в него этнических компонентов. Позднее, в процессе формирования экономических связей между частями полуострова (экономически отсталым Севером и значительно более развитым регионом Великой Греции), Рим оказался удобно расположенным центром, сохранив при этом свою полисно-унитарную политическую структуру. Это во-первых.

Вторая особенность Рима-полиса – разбросанность по всей Италии, разобщенность составных элементов территории римской *civitas*, входящих в римские трибы.

Тем не менее Рим с его легионами явился ядром, вокруг которого сплотился класс рабовладельцев всей Италии. С точки зрения социальной Римско-Итальянский союз возник на базе классового сотрудничества различных слоев рабовладельцев разных полисов и общин Италии с правящими кругами Рима. Этому не препятствовала даже разобщенность составных частей территории Рима-полиса.

Римская знать нашла в итальянских крестьянских массах поистине неистощимый источник военной силы, человеческих ресурсов, необходимых для заморских военных кампаний, обогащавших нобилитет и всадничество. И осуществлялась такая эксплуатация народных масс Италии с молчаливого согласия и даже «благословения» правящих итальянских кругов. Нельзя забывать о неизбежности процесса консолидации рабовладельцев Рима и Италии в силу обострения классовой борьбы в условиях расцвета рабовладельческого способа производства. Иными словами, тяготение к внутриклассовым связям было взаимным.

Итогом воздействия перечисленных факторов стала система политических связей, обеспечившая классовое сотрудничество рабовладельческих верхов Рима и Италии и определенные экономические и политические формы эксплуатации народных масс путем внеэкономического принуждения, осуществляемого римским государственным механизмом. В то же время это был конгломерат малосамостоятельных и несамостоятельных полисов и общин, находившихся не просто под эгидой Рима, но под его властью. При этом сам Рим продолжал оставаться полисом, а вся Италия приобрела своеобразную форму территориально-политического устройства, при которой зависимые от Рима полисы входили в него составными частями, а полисные органы муниципиев как бы выполняли роль местной администрации.

Такой союз функционировал на протяжении IV – II вв. до н. э., и существование его не могло быть более длительным. Он был по преимуществу объединением полисов, а полис уже повсеместно переживал процесс разложения. Сам же Рим, будучи просто-напросто территориально «разбухшим» полисным организмом, не мог дать итальянским общинам в сфере строительства государства ничего взамен: он не располагал ни другим опытом политической жизни, ни иными видами политической организации, ни специальными административными органами, которые могли бы обеспечить рабовладельческий «порядок» на местах.

Обеспечивая для господствующего класса Италии сильную государственную власть центра (взамен не развившейся местной), а для Рима – такой заменитель еще не сложившейся местной администрации, как полисный аппарат муниципиев,

«симбиоз» Рима и Италии стал вынужденным, и в нем отпала необходимость, как только он перестал соответствовать задачам времени. В условиях крайнего обострения социальных противоречий Италия во главе с Римом нуждалась в иной территориально-политической организации, а потому из сложившегося на базе Италии Римского государства как конгломерата отдельных полисов и общин постепенно стала вырастать держава.

Что же касается места Римско-Итальянской «федерации» (как нередко в литературе называют этот союз) в данном эволюционном процессе, то описанная своеобразная государственно-территориальная организация оказалась, на наш взгляд, переходной от простейшей полисно-унитарной формы государственного единства к державе, империи (*imperium Romanorum*), т. е. более развитой форме государственного устройства (в литературе наряду с толкованием полиса как формы государства имеется и его оценка как формы государственного устройства. В качестве своеобразной, свойственной античности «зародышевой» формы унитарного государственного устройства рассматривается и держава)¹⁹. Переход к ней завершился лишь после крушения полисно-республиканской политической надстройки, поскольку попытки правящих кругов приспособить для управляемых целей различные элементы римского полисного аппарата оказались безуспешными. И хотя сам Рим практически перестал быть полисом со временем «включения» в него в 90 – 89-е гг. до н.э. всей Италии, Римское государство превратилось в державу лишь в условиях военно-авторитарного режима, по мере освобождения от пут полисно-республиканской организации и создания особого административного аппарата.

«Парадокс греческой истории состоит в том, что основной ее тенденцией было непрерывное, хотя в общем и малоуспешное, стремление к преодолению полиса: непрерывное – в силу несоответствия однажды установленных полисных принципов (экономическая автаркия, политический партикуляризм, сословная исключительность и т.п.) дальнейшему общественному прогрессу, а малоуспешное – ввиду того, что попытки преодоления полиса долгое время осуществлялись на полисной же основе»²⁰. *Mutatis mutandis* то же самое можно сказать о римско-итальянской действительности.

Попытки преодолеть полисную замкнутость Рима-полиса путем включения в его полисную же трибутную систему всей Италии с ее многочисленными полисами и общинами оказались в конце концов величайшей исторической нелепостью. В условиях, когда уже разрушилась античная форма собственности на землю (исчез *ager publicus*, квиритскую собственность сменили преторская, перегринская, провинциальная), когда канул в Лету принцип «обозримости» территории Рима и ограниченности коллектива граждан, когда всем свободным гражданам Италии после Союзнической войны был предоставлен статус гражданства, реализация принципа «прямого народовластия» (полный сбор участников народного собрания и действенное его функционирование) стала практически невозможной, а само народное собрание, все характерные формы полисного самоуправления превратились в «юридическую фикцию». «Едва ли можно сомневаться в том, что исход так назы-

¹⁹ Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Исторические типы государства и права. М., 1971. С. 153, 39.

²⁰ Становление и развитие раннеклассовых обществ. Л., 1986. С. 25.

ваемой Союзнической войны ... знаменовал собой крушение Рима-полиса». Идущая на смену Римско-Италийской «федерации» Римская держава (империя) не была уже системой самостоятельных полисов или системой зависимых городов под эгидой Рима, «она была в значительной мере ... системой бывших полисов (со всей вытекающей отсюда спецификой)»²¹. И специфика, полагаем, в первую очередь заключалась в том, что это была также унитарная, но более развитая форма государственного устройства.

²¹ Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима. С. 54.

И. К. ЛЕВИТАН*

РОЛЬ СУДЕБНЫХ МАРШАЛОВ США В РАЗРЕШЕНИИ КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ НА ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ АМЕРИКАНСКОГО ГОСУДАРСТВА (РУБЕЖ XVIII – XIX веков)

Служба судебных маршалов США Департамента юстиции – один из самых «старых» правоприменительных ведомств в Америке. Должности судебного маршала и его помощника были учреждены Актом о судоустройстве 1789 г. На протяжении своей более чем 200-летней истории судебные маршалы служили опорой судебной, исполнительной и законодательной власти США¹. В разные периоды американской истории они оказывались наиболее удобной, а зачастую и единственной региональной силой, на которую могла опереться американская администрация в проведении своей политики и обеспечении принятых решений. Это обстоятельство остро проявилось на этапе становления США.

Из всех проблем, с которыми первоначально столкнулся Дж. Вашингтон, став президентом США 30 апреля 1789 г., наиболее серьезной была нехватка денежных средств. Отсутствие денег было связано не только с действиями нового правительства, но и с обязанностями по выплате огромного долга (около 75 млн долларов США) в результате революционной войны². Единственными источниками поступления денег, которыми мог располагать Вашингтон, явились установление тарифов на ввоз товаров и введение (с обязательным утверждением Конгрессом) налогов. Прошло 20 лет с момента, как американские колонисты взялись за оружие в борьбе против Великобритании (в том числе из-за высоких налогов), а у власти стояли практически те же люди, что и во время войны. Вашингтон и члены правительства могли надеяться только на то, что американский народ воспримет очередное обложение налогами более терпимо³.

* Соискатель УрГЮА.

¹ Calhoun F.-S. The lawmen: The U.S. Marshals and their Deputies 1789–1989. 1989.

² Согрин В. В. Политическая история США. XVII–XX вв. М., 2001. С. 389.

³ Исаев С. А., Фурсенко А. А., Пашков В. Н. и др. Становление американского государства. СПб., 1992.